Мужи целуют крест своим князьям „добра хотети и чести стеречи“.[1] Вассалы князя выражают готовность немедленно притти к нему на помощь. Венгры говорят Изяславу Мстиславичу, что они „готовы“, а „комони“ „под ними“.[2] Черные клобуки заверяют Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича: „Хочем же за отца вашего за Вячьслава и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью, и головы свое сложити, да любо честь вашю налезем, пакы ли хочем с вами ту измерети“.[3] То же говорят и берендеи Юрию Долгорукому: „Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь“.[4] Обещание умереть за своего сюзерена Владимира Васильковича дает и Литва: „Володимере, добрый княже, правдивый! можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы“. Литовцы же говорят ему, приходя к Берестью: „Ты нас возвел, да поведи ны куда; а се мы готовы, на то есмы пришли“.[5]

Атмосфера неуклонного выполнения вассальной службы князю служит его возвеличиванию. В вассальную службу включается даже боевой конь князя. Преданность коня служит как бы назидательным примером для вассалов князя и заставляет воздать ему почести. Конь Андрея Боголюбского, пожертвовав собой, спас ему жизнь и был им похоронен с почестями: „Конь же его (Андрея Боголюбского, — *Д. Л.*), язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его, повеле й погрести над Стрыем“.[6]

Вассальная верность далеко не бескорыстна. Она оплачивается князем его „лаской“, „хлебом“, „медвяной чашей“ и дорогим „портищем“, но от этого отнюдь не становится в глазах писателя XII—XIII веков менее похвальной. Напротив, авторы часто говорят с похвалой о верности, как бы оплачивающей доброту князя.

Верность князю так выразил в своем „Молении“ Даниил Заточник: „Яз не могу, как на свет посмотрити и на луну солнечну, то аз, госпоже осподарыне, на государя подумати за его доброту и ласку, и за портище дорогоценное, и за его хлеб и сол, и за чашу медвяную“.[7] О том же портище вспомнил и Кузьмище Киянин, когда упрекнул за измену своему князю Андрею ясина Амбала: „Помнишь ли... в которых порътех пришел бяшеть (к князю, — *Д. Л.*)? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежить“.[8] О хлебе и чаше говорит летописец и в похвале ростовскому князю Васильку Константиновичу: „Кто ему (Васильку, — *Д. Л.*) служил и хлеб его ел, и чашю пил, и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его“.[9] Феодальная верность — это как бы плата вассала за его кормление и защиту. За измену своему князю Даниил Заточник предлагает: „За тую лихую меру от булатна меча своего мне головкою отлити та чаша медвеная кровию“.[10] Медвяная чаша отольется изменнику чашею крови.

Измена князю — самое крупное преступление, и в действительности за нее полагалась смертная казнь.[11]

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1150 г., стр. 278.
[2] Там же, стр. 287.
[3] Там же, под 1151 г., стр. 295.
[4] Там же, под 1155 г., стр. 330.
[5] Там же, под 1282 г., стр. 586.
[6] Там же, под 1149 г., стр. 272—273.
[7] Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 36.
[8] Ипатьевская летопись, под 1175 г., стр. 401.
[9] Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467.
[10] Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 36.
[11] См. выше, стр. 10.